

— Хватит умничать, я ничего не понимаю!

Чжун Кайфань прищурился, глядя на хитрое выражение лица А Юаня, и ему стало весело:

— Хватит прикидываться дурачком, ты всё прекрасно понимаешь.

С этими словами он поднял его подбородок и поцеловал А Юаня в губы, с нежностью и страстью, словно тихий прилив, медленно окутывающий его.

Только соприкоснувшись губами, они могли восполнить время, которое пропустили, и компенсировать долгую и тихую тоску.

Почувствовав, что время уже позднее, Кайфань отпустил его, похлопал по спине:

— Иди умывайся, завтра у тебя работа.

А Юань не хотел отпускать, лениво сидя на нём. Через мгновение он неохотно сказал:

— Ладно.

Когда они наконец легли, свет на прикроватной тумбочке всё ещё горел. Кайфань внимательно смотрел на ладонь А Юаня. Когда он проходил практику, ему попался пациент, умевший читать по рукам, который сказал, что линия любви у Кайфана очень неудачная. Теперь он хотел взглянуть на линии на ладони А Юаня.

Но, взглянув на его запястье, и дальше по руке, Кайфань увидел запутанные следы царапин, некоторые были свежими, другие старыми, с синеватым оттенком.

Кайфань мрачно посмотрел, с хриплым голосом спросил:

— Что это?

А Юань сразу же убрал руку, смущённо сказал:

— Это... комары.

— Зимой в съёмочной группе комаров не бывает, — Чжун Кайфань мрачно смотрел на него, сердце сжималось от боли.

А Юань приблизился к нему, тихо сказал:

— Это не такая уж и проблема.

Кайфань внимательно осмотрел следы, несколько из них были параллельными:

— Ты сам себя поцарапал?

А Юань молчал, видимо, подтверждая.

Кайфань снова спросил:

— Зачем?

— Кайфань! — А Юань с тревогой позвал его, видимо, не собираясь говорить.

— Я тебя спрашиваю, не уходи от ответа! — Чжун Кайфань выглядел сурово.

А Юань, с влажными глазами, пробормотал:

— Раньше, когда я мылся, мне казалось, что я не могу отмыться...

После встречи с Кайфанем он всё ещё иногда вспоминал тот случай с Не Цзуанем, и в душе оставалась тень.

Чжун Кайфань сразу понял, сердце сжалось, с раздражением сказал:

— У тебя такая нежная кожа, что там не отмыть? Это ты сам себе нервы треплешь, ищешь проблемы.

С этими словами его дыхание участилось, и он не смог сдержать голос:

— Ты даже не думаешь, что я чувствую, когда это вижу! Ты всегда делаешь, что хочешь, и не думаешь обо мне!

Услышав такие резкие слова, А Юань с раскаянием обнял его, смиренно сказал:

— Я понял, в будущем обязательно избавлюсь от этой привычки. Ты не сердись, ладно?

Чжун Кайфань молчал, сжав челюсти.

А Юань приблизился, терпеливо целуя Кайфана, постепенно успокаивая его гнев.

Знакомый аромат был так близко. Чжун Кайфань почувствовал лёгкое головокружение, не смог сдержаться и углубил поцелуй, пальцы скользнули под пижаму А Юаня, где было тепло. Положив руку на его талию, он слегка надавил, и А Юань оказался в его объятиях.

Воздух был настолько тихим, что можно было слышать дыхание друг друга.

Кайфань целовал мочку уха А Юаня, видя, как тот слегка закрывает глаза, щёки слегка покраснели, и в горле раздавались приятные звуки. Каждый раз, когда он видел А Юаня в таком состоянии, Кайфань испытывал странное чувство собственности, словно хотел вернуть его в свою плоть и кровь.

В следующее мгновение Кайфань уже навис над ним, схватив запястья А Юаня, постепенно переплетая пальцы, на подушке оставались складки. Почувствовав движение в области талии, А Юань с трудом отвернулся, его линия подбородка была идеальной, губы покраснели от поцелуев, он слегка задышался.

Кайфань обожал его выражение, когда он не мог больше терпеть, словно снег, только что упавший с сосновых веток, мягкий и пушистый, с каплями влаги, медленно падающий на белый снег, обнимая землю.

— Кайфань... — А Юань, словно поплавок, обнял его за талию.

В полумраке он открыл глаза и увидел Кайфана над собой, с крепкими плечами, чёткими линиями мышц, и его чёрно-белые глаза смотрели на него с сосредоточенностью.

Кайфань приблизился, с лёгким потом на висках, сдержанно дыша:

— Что?

— Ммм... — А Юань слегка поднял подбородок, сжал губы, вдохнул. — Немного больно.

Возможно, из-за того, что они давно не были так близки, А Юань чувствовал себя непривычно.

Кайфань целовал его брови, в сердце поднялась нежная боль. Если бы это было раньше, Кайфань, возможно, довёл бы его до слёз.

Слёзы А Юаня были как родинка в сердце Кайфана. В постели, чем больше А Юань плакал, тем больше Кайфань наслаждался, словно так он мог обладать им полностью.

Но сейчас всё было иначе. Он не хотел, чтобы А Юань страдал, и сразу остановился, снова и снова успокаивая его, даже боясь, что А Юань вспомнит те неприятные моменты.

Через некоторое время, когда его дыхание успокоилось, Кайфань позволил А Юаню слегка повернуться на бок.

Когда поцелуй Кайфани коснулся его спины, лёгкий, нежный, полный любви, А Юань окончательно очнулся, слабо схватив простыню, он всё ещё боялся, хрипло позвал:

— Кайфань...

— Это я. — Кайфань левой рукой покрыл неровные шрамы, а другой рукой, словно в захвате, удерживал А Юаня. — Я люблю каждый сантиметр твоего тела, А Юань, что бы ни случилось, передо мной тебе не нужно стыдиться.

Эти слова полностью исцелили А Юаня. Он, словно щенок, которого тронули за хвост, внезапно получил нежное поглаживание. Он захлебнулся, позволяя обиде и отчаянию расти, пока не заплакал так, что не мог остановиться.

Кайфань терпеливо лежал за ним, обнимая его, целуя заднюю часть шеи:

— Ладно, хватит плакать.

Услышав это, А Юань заплакал ещё сильнее:

— Я плачу, это моё дело, ууу...

Затем он всхлипнул, словно икнул, и снова повысил голос:

— Ты даже не утешаешь меня!

Чжун Кайфань рассмеялся, подыгрывая:

— Ты же сказал, что это не моё дело?

— Когда я это говорил? Я не говорил!

— Только что.

— Я всё забыл! Не важно!

Чжун Кайфань вздохнул, мягко сказал:

— Ещё и капризничаешь?

Хотя он так сказал, он повернул А Юаня к себе, глядя ему в глаза, и, увидев его красные глаза, Кайфань полностью растаял, терпеливо спросил:

— Как тебя утешить, научи меня?

А Юань пнул его под одеялом.

Чжун Кайфань нахмурился:

— Не пинайся, а то опять заплачешь.

Эти слова были понятны только им двоим. Когда они были вместе, Кайфань доводил А Юаня до слёз, прежде чем остановиться. Не то чтобы Кайфань был слишком властным, просто А Юань был очень чувствительным, плакал по любому поводу, даже от малейшей боли.

Но, думая об этом, Кайфань вспоминал, как тот, кто раньше так боялся боли, прошёл через столько страданий и, сталкиваясь с его вопросами, оставался спокойным, словно готовый к самоуничтожению. Кайфаню становилось невыносимо больно.

— Ладно, ладно, плачь, плачь, выплаться, — Чжун Кайфань указательным пальцем осторожно вытирал его слёзы, с покорностью сказал.

Сам же он избаловал своего «божка», и теперь должен был его ублажать.

Когда А Юань устал плакать, и, казалось, собирался вытереть соплю о него, Кайфань ладонью прикрыл его голову, решительно не позволяя приблизиться:

— Что? Как щенок?

А Юань с улыбкой приблизился, избегая его ладони, наклонился и вытащил салфетку с прикроватной тумбочки, вытирая соплю, сказал с насморком:

— Говорил же, что не будешь меня презирать! Посмотри на себя!

Чжун Кайфань дёрнулся:

— Сопли — это слишком.

Он действительно был брезгливым.

В конце концов, А Юань выключил свет, в комнате воцарилась тишина, в сердце билось радостное волнение, настолько сильное, что не хотелось засыпать, боясь, что, проснувшись, всё исчезнет.

А Юань крепко обнял Кайфана, прижавшись к его груди:

— Спокойной ночи.

Чжун Кайфань поцеловал его в лоб, его голос был низким, как звук виолончели:

— А Юань, спокойной ночи.

Эта виолончель наконец нашла свой смычок, и струны слились воедино, души столкнулись, тонкие ноты проникли в сердце, и даже в одиночестве он не чувствовал себя одиноким.

Ведь у него был А Юань.

<http://bllate.org/book/16849/1550929>